

Ф. Я. ПРИЙМА

К истории открытия „Слова о полку Игореве“¹

Еще при жизни издателя и владельца рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина в научных кругах возникла мысль о необходимости изучения вопроса о происхождении погибшей рукописи, а также обстоятельств ее открытия. К сожалению, Мусин-Пушкин не сообщил ни точной даты приобретения им рукописи «Слова», ни, тем более, того, откуда она была получена ее первым владельцем, архимандритом Иоилем, и обращал ли последний когда-либо свое внимание на художественные достоинства находящегося в этой рукописи «Слова о полку Игореве». Отсутствие сведений о том, откуда мог получить архимандрит Иоиль рукописный сборник с древней поэмой об Игоревом походе и когда именно была она приобретена Мусиным-Пушкиным, затрудняет и до сих пор решение как проблемы происхождения рукописи «Слова», так и вопроса о первоначальном этапе ее литературной известности.

Для определения времени приобретения рукописи «Слова» Мусиным-Пушкиным имеет немаловажное значение и установление даты смерти архимандрита Иоиля, так как покупку библиотеки последнего Мусин-Пушкин относил к последним годам его жизни.

К сожалению, личность первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве» почти не привлекала внимания исследователей. Подобному равнодушию к личности архимандрита Иоиля немало способствовала и широко известная работа о «Слове» Е. В. Барсова, который, ставя под сомнение характеристику Иоиля Мусиным-Пушкиным, утверждал, что «ни в архиве, ни в библиотеке, ни даже в преданиях Спасо-Ярославского монастыря не сохранилось ни малейших следов о каком бы то ни было просвещении и любви к словесности этого мужа».²

В 1920 году в своем кратком сообщении об архимандрите Иоиле В. В. Данилов предпринял попытку опровергнуть мнение Е. В. Барсова. В бывшем Синодальном архиве В. В. Данилову удалось разыскать любопытный документ о назначении ростовским архиепископом Арсением (Верещагиным) двух духовных цензоров для наблюдения над изданиями Ярославской вольной типографии. Назначенными цензорами, как доносил в 1787 году Синоду архиепископ Арсений, были «ученые два архимандрита: первоклассного Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, второклассного Борисоглебского монастыря Иринея».³

¹ Доложено на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в сентябре 1952 г.

² Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной поэзии, т. I. М., 1887, стр. 61.

³ В. В. Данилов. Архимандрит Иоиль. (К открытию «Слова о полку Игореве»). «Дела и дни». Исторический журнал, книга первая, СПб., 1920, стр. 390.

Сообщая о своей находке, В. В. Данилов высказывал сожаление о том, что ему «не удалось открыть в бывшем синодальном архиве других следов жизни и личности архимандрита Иоиля».

Пополнение известных уже и по необходимости скудных сведений об архимандрите Иоиле новыми данными и составляет главную цель настоящего сообщения. Если не считать печатных источников, нами обследовано с этой целью только одно архивохранилище — рукописные фонды Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, и поэтому естественно, что извлеченные оттуда сведения на исчерпывающую полноту претендовать не могут.

К числу таких, до сих пор не введенных в научный обиход данных прежде всего следует отнести статью о Спасо-Ярославском монастыре в географическом словаре Афанасия Щекатова, которая в сокращенном виде приводится ниже. «При сем монастыре находится Семинария, заведенная бывшим Ростовским митрополитом Арсением, по дозволению святейшего Синода в 1747 году; в ней учащихя более 500 человек; преподаются науки на Латинском языке. Грамматика, Пиитика, Риторика, Философия и Богословие, обучаются Греческому, Еврейскому, Французскому и Немецкому языкам, а на Российском. Арифметике, Истории и Географии. Сим монастырем начальствовал Архимандрит, который был и ректор Семинарии. А прошлаго 1787 года июля в 3 день именным указом, данным покойному, действительному тайному советнику генерал-губернатору Ярославскому и Вологодскому Алексею Петровичу Мельгунову, велено, упраздня оной монастырь, обратиться для пребывания архиепископа Ростовского и Ярославского; а бывшему в оном архимандриту Иоилю, по старости и болезням его, увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти нынешнее его жалование».¹

Два упоминания об архимандрите Иоиле находим мы также в сборнике писем к архиепископу ростовско-ярославскому Арсению (Верещагину), лицу, обладавшему огромным авторитетом и известностью.

В письме от 12 апреля 1786 года епископ севский Феокист Мочульский, сообщая Арсению об архимандрите Межигорского монастыря в Киеве Амфилохии Леонтовиче, писал: «Он объявляет, что старик отец архимандрит Иоиль болен ногами; сия, чаю, болезнь ему от сидячей жизни. Дозвольте, высокопреосвященный владыко, проездиться ему к Киев, движение будет ему вместо лекарства».²

Архимандрит вологодский Иннокентий в письме от 20 декабря 1797 года писал архиепископу Арсению: «Прошу, милостивый отец, приказать изъявить мое усердие... архимандриту Иоилю, старинному моему приятелю».³

Гораздо больше примеров, подтверждающих известность Иоиля среди современников, находим мы в дневнике упомянутого выше Арсения Верещагина, с 1788 года архиепископа ростовского и ярославского.

Написанная писарским почерком двухтомная рукопись «Дневника» Арсения Верещагина хранится в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (шифр: Q. IV. № 267). Первый том охватывает события 1786—1791, второй — 1797—1799 годов. Часть, относящаяся к периоду

¹ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым, часть пятая (Р—С). М., 1807, стр. 1126.

² Сборник писем духовных лиц XVIII века к преосвященному Арсению (Верещагину). Издан Саввою, архиепископом тверским и кашинским. Тверь, 1893, стр. 48.

³ Там же, стр. 84

с 1792 по 1796 год в Государственную Публичную библиотеку не поступила, и местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Несмотря на это и в нынешнем своем виде «Дневник», помимо обильных сведений о деятельности Ярославской духовной семинарии, содержит также ряд ценных данных о знакомствах и характере умственных интересов Иоиля.¹

Ниже приводятся лишь некоторые, наиболее важные для нашей цели места из «Дневника», в которых нашли отражение как личность архимандрита, так и обстановка, в которой протекала его деятельность.

1786 год. 14 июня. По утру поздравляли Ярославской семинарии ректор архимандрит Иоиль, архимандрит Ириней и прочие учителя, студенты говорили стихи и речи на разных языках. 25 июля. ... отправился в село Иловню на конях вместе с Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, ночевал в оном селе. 26 сентября. По утру, в 10 часов, начались богословские и философские диспуты, в продолжении которых читаемы были стихи и речи на разных языках, при том и пристойные на сей случай разговоры; петы были различные канты. Посетителей было очень много; был генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов и др. дворяне, также купцы и пр. 29 октября. Кушал у архимандрита Иоиля. В вечеру Ярославской семинарии бурсаками представлены были: пьеса «Авелева смерть» и драма «Не любо, не смейся». 26 ноября. ... послал письмо к А. И. Мусину-Пушкину.

1787 год. 1 января. Семинария приносила поздравления стихами, кушали у спасо-ярославского архимандрита Иоиля. 2 марта. Присланы при письме от Михайла Ивановича Веревкина книги; три части истории о странствиях (16, 17 и 18) и третья часть китайских записок. 28 марта. Приносила поздравления семинария, коей префект Стефан Вилинский читал на российском языке речь, а ученики также читали речи и стихи на разных языках, поднесли от семинарии поздравительные сочинения, состоящие в прозе и стихах. 25 декабря. ... после литургии приносили поздравления семинария, коей ректор архимандрит Иоиль читал на латинском языке речь, после него от учеников читаны были на разных языках речи и стихи.

1788 год. 28 февраля. Племяннику подарена штучка Димитрия Ростовского и две книжки сочинений ярославской семинарии. 5 марта. После литургии говорил речь новопроизведенный в протоирей в город Осташков Андрей Николаевич Колоколов. Посетили архимандрита Иоиля Прецицкого. Приносили от семинарии поздравления по причине моих именин, бывших второго числа сего месяца. 12 июля. Возвратился из Толгского монастыря в Спасо-ярославский дом. Посетили генерал и Московского университета куратор Михайла Матвеевич Херасков, вице-губернатор ярославский Урусов, прокурор Замыцкой, Филатьев и пр. 26 июля. Посетил отъезжающий в Москву генерал Херасков.

1790 год. 1 января. Посетили с архимандритом Иоилем гг. Малышкина и Филатьева. 18 июля. Был на экзамене в главном нормальном училище. Одному дворянскому сыну подарил я книжку с надписью:

Успех, наука, добродетель
Похвал учащихся свидетель...

¹ Дневник Арсения Верещагина, как это в последнее время (1955 г.) установлено В. В. Лукьяновым (см. наст. том, стр. 43, примеч. 4), почти полностью был опубликован в «Ярославских Епархиальных Ведомостях» за 1894—1895 гг.

9 сентября. Михаилу Пальмину за переводы, кои отданы в семинарскую библиотеку, из семинарской суммы велено дать 10 руб.

1791 год. 10 июля. Семинарские диспуты финальные, богословские и философские ... На диспутах были и меня посетили Иван Афанасьевич г. Дмитревский и проч. Семинаристам достойнейшим розданы книжки. 21 ноября. Кушали у меня архимандрит Иоиль и Арсений.

1797 год. 15 марта. Кушал с обер-прокурором А. И. Мусиным-Пушкиным. 17 марта. Поздравление Мусину-Пушкину. 21 марта. Посетил Мусина-Пушкина. 9 апреля. Посетил меня Мусин-Пушкин и др.

1798 год. 25 августа. В третьем часу пополудни скончался по немаловременной болезни архимандрит Иоиль, пребывавший в Спасо-ярославском монастыре и получавший пятисотную пенсию. 27 августа. Литургисал, хиротонисал и отправлял погребение архимандриту Иоилю. Тело его погребено в Толгском монастыре. Он родился 1726 года марта 30 дня и наречен Иоанном. Был учителем в Киевской духовной академии. Пострижен в монашество 1754 года. Был в кадетском корпусе иеродиаконом и иеромонахом. Потом в Троицком Черниговском монастыре архимандритом, [с] 776 года Спасо-ярославского монастыря архимандритом и Ярославской семинарии ректором и про[чая] и прочая.

1799 год. 20 января. ... кушали все синодальные члены, в том числе и я, князь Волконский, князь Гаврила Петрович Гагарин и прочие многие у тайного советника, сенатора и кавалера Гаврилы Романовича Державина, который подарил мне стихотворческое свое сочинение.

Дневник Арсения Верещагина, несмотря на подчеркнута деловой характер его записей, ценен зарисовками жизни и быта Ярославской семинарии, подробным перечнем лиц, с которыми находился или мог находиться в знакомстве Иоиль Прецицкий, биографическими сведениями о последнем, а также указаниями на то, что Мусин-Пушкин не позднее как с 1786 года, т. е. еще до назначения своего на пост обер-прокурора Синода, посещал Ярославль, находился в тесном общении и переписке с ближайшим окружением Иоиля, да вероятно и с ним самим.

Не менее ценные сведения о личности ректора ярославской семинарии Иоиля содержит также и другая рукопись Государственной Публичной библиотеки под названием «Оды, разговоры, надписи, канты и прочих родов на разные случаи некоторые российские стихотворения, сочиненные и говоренные в разные времена в Ярославле» (Собрание А. А. Титова, Охранный каталог, № 694). Это один из тех сборников, которыми, как это видно из «Дневника» Арсения Верещагина, Ярославская семинария имела обыкновение отмечать знаменательные события местной жизни.

Из небольшого (около 15) количества произведений, вошедших в сборник № 694, пять полностью посвящены архимандриту Иоилю. Первое из них — «Ода на тезоименитство архимандрита Иоиля, сочиненная и поднесенная богословии [так!] слушателем Иваном Герасимовым Воскресенским 1776 года, октября 19 дня». Из этой оды, написанной, кстати сказать, в первый год пребывания Иоиля Прецицкого в Ярославле, приведем стихи:

Парнас, тобою украшенный,
Взирает, духом восхищен,
И как Нарцисс, собой плененный,
Стоит в весельи изумлен.

Божественнейшие науки
 С весельем простирают руки,
 Твое лице Иоиль зря
 И с радостью говоря:
 — Мы ныне дать плоды готовы
 Для тезоименитства новы.

Наук и мудрости любитель,
 Отец любезнейший для всех!
 Учащихся ты покровитель,
 Вина веселий и утех.
 Тобой всевышний нас прославит,
 Тобой к блаженству всех направит,
 Тобой науки просветит,
 Тобою щастьем озарит.

Продли Иоиль жизнь, боже!
 Она для нас всего дороже.
 Внемаи, творец, мольбам, внемли
 И жизнь дражайшую продли.

(лл. 2—3)

Ровно через год, 19 сентября 1777 года, студент Иван Воскресенский поднес ректору семинарии вторую оду, написанную в таком же возвышенном и риторическом стиле (там же, лл. 4—6).

В тоне панегирика Иоилю в 1782 году, по случаю дня пасхи, была написана также и ода учителя Ярославской семинарии Сергия Предтеченского (там же, л. 9 об.).

В сборник под № 694, помимо перечисленных, входит еще два небольших стихотворения, посвященные «тезоименитству» Иоиля Прецницкого. Одно из них (л. 68) принадлежит Сергию Предтеченскому, второе (л. 69) — некоему Ивану Ораевскому. Несмотря на свой панегирический характер стихи эти дают богатый материал для суждений о реальном образе их адресата: Иоиль Прецницкий — «любитель наук и мудрости», «отец муз», «покровитель учащихся» и вместе с тем, что также весьма примечательно, не истязавший свою плоть схимник, а организатор «веселий и утех».

Стихи из сборника № 694, являясь ценным дополнением к «Дневнику» Арсения Верещагина, не оставляют ни малейших сомнений в правильности сообщения Мусина-Пушкина о том, что архимандрит Иоиль был «муж с просвещением и любитель словесности». Исключительное пристрастие к поэтическому творчеству студентов Ярославской семинарии, о чем свидетельствуют и «Дневник» Арсения Верещагина и упомянутый рукописный сборник стихотворений из собрания А. А. Титова, несомненно являлось следствием большой любви к литературе самого ректора семинарии.

Эти сведения позволяют видеть в архимандрите Иоиле одного из образованнейших людей своего времени, человека с широкими умственными запросами, любителя книжных знаний и книг, деятельного и опытного педагога, любимца семинарской учащейся молодежи.

В свете приведенных данных сообщение Мусина-Пушкина о том, что сборник, в котором находилась рукопись «Слова о полку Игореве», входил в состав личной библиотеки Иоиля Прецницкого, приобретает почти полную достоверность.

С 1776 года проживавший безвыездно в Ярославле архимандрит Иоиль мог и должен был обладать обширной и хорошо подобранной библиотекой.

Ни в «Дневнике» Арсения Верещагина, ни в рукописи № 694 о приобретении А. И. Мусиным-Пушкиным библиотеки архимандрита Иоиля, к сожалению, нет упоминаний. Возможно, однако, что эти упоминания находятся в той части «Дневника» за 1792—1796 годы, которая в Публичную Библиотеку не поступила. Тем не менее, даже при их отсутствии, опираясь исключительно на биографические данные об Иоиле Предницком, мы вправе выдвинуть предположение, что последнему могла принадлежать заслуга не только сохранения, но и открытия «Слова о полку Игореве».

Под «открытием» в данном случае, разумеется, не обязательно следует понимать публичное объявление о существовании рукописи или желание ее опубликовать, а лишь распространение сведений о ней в узком кругу любителей отечественной старины и художественного слова.

Приобретая библиотеку архимандрита Иоиля, Мусин-Пушкин, любивший в своей коллекционерской деятельности пользоваться советами сведущих людей, мог воспользоваться также и указаниями ее прежнего владельца. Даже если признать, что «Слово о полку Игореве» и было открыто Мусиным-Пушкиным вполне самостоятельно, то последний неизбежно должен был обратиться за разъяснением ряда вопросов к Иоилю. Ведь рукопись древней поэмы представляла большие трудности для прочтения и уяснения, а ее прежний владелец, который мог обладать относящимися к рукописи важными изустными преданиями, продолжал жить около шести лет после первого печатного объявления о ее открытии.

Первое печатное упоминание об открытии «Слова о полку Игореве», как уже указал на это в свое время П. Н. Берков, содержалось в статье П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», помещенной в февральской книжке журнала «Зритель» за 1792 год.¹

Вторым по времени печатным сообщением об открытии «Слова о полку Игореве» является примечание М. М. Хераскова к новому изданию поэмы «Владимир», увидевшему свет в январе 1797 года. «Недавно, — сообщил Херасков, — отыскана рукопись под названием «Песнь полку Игореву», неизвестным писателем сочиненная, кажется за многие до нас веки, в ней упоминается Баян, Российский песнопевец».²

Третье печатное упоминание об открытии «Слова о полку Игореве» принадлежало, как хорошо известно, Карамзину и появилось на французском языке в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» за 1797 год.

Ни глухое упоминание Плавильщикова о «Слове», ни скромное подстрочное примечание Хераскова о древней поэме, конечно, нельзя рассматривать как официальные объявления о сделанном Мусиным-Пушкиным открытии. Не являлось таким объявлением и обращенное к иностранным читателям известие Карамзина о «Слове». Как видно, Мусин-Пушкин с такого рода объявлением не торопился, и несмотря на то, что небольшая группа близких к нему лиц успела высоко оценить гениальную поэму и начала распространять ее в списках, широкие круги русских читателей на протяжении ряда лет (до 1800 года) ни о содержании, ни о стиле найденного произведения не имели ни малейшего представления.

Достоин внимания и то обстоятельство, что во всех трех первых печатных сообщениях, появившихся еще при жизни архимандрита Иоиля, имя Мусина-Пушкина вовсе не упоминалось. Это также вряд ли можно считать

¹ П. Н. Берков. Заметки к истории изучения «Слова о Полку Игореве». Труды ОДРА V, стр. 135.

² Творения М. Хераскова ч II М., 1797 См также: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». В сб. «Слово о полку Игореве», под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой, М., 1947, стр. 95—123.

случайным. Если бы Мусина-Пушкина не удовлетворяло подобное замалчивание его имени, то он мог бы сообщить о своей находке более обстоятельно и более точно. Однако и в этом случае Мусин-Пушкин проявил к своему открытию полное равнодушие, которое вряд ли можно определить как простую скромность.

Исходя из этого, следует признать возможным и то, что рукопись «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным уже после 1792 года, т. е. времени, когда П. А. Плавильщиков печатно объявил о ее существовании. Ведь согласно показанию Мусина-Пушкина, названную рукопись он приобрел в последние годы жизни архимандрита Иоиля. Получая солидную пенсию, Иоиль материальной нужды не испытывал, но, почувствовав приближение смерти, мог действительно уступить за известную сумму свою библиотеку в надежные руки. Вряд ли эта продажа могла быть совершена до 1792 года, когда, согласно «Дневнику» Арсения Верещагина, Иоиль Прецницкий был еще деятельным и полным житейских забот и интересов человеком. Таким образом, не исключена возможность распространения сведений о рукописи «Слова» и до приобретения ее Мусиным-Пушкиным.

Первое упоминание об Мусине-Пушкине как владельце рукописи «Слова» появилось через два года после смерти архимандрита Иоиля, в 1800 году, в предисловии к первому изданию поэмы. Здесь мы находим сообщения и о том, что «подлинная рукопись» «Слова» принадлежит его издателю, «г-ну тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину», и о том, что издатель решился опубликовать свой перевод древней поэмы по совету приятелей лишь после долголетних усилий, и, наконец, следующую библиографическую справку: «В его (Мусина-Пушкина, — Ф. П.) библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист под № 323».¹

Таким образом, в предисловии к первому изданию «Слова» Мусин-Пушкин не проявил свойственной ему ранее «скромности» и, называя номер рукописи со «Словом о полку Игореве», «забыл» указать на то, что под этим номером названная рукопись значилась в библиотеке архимандрита Иоиля. Совершенно очевидно, что подобное намеренное забвение фактов и отступление от истины для Мусина-Пушкина стало возможным только после смерти Иоиля Прецницкого.

В отличие от Барсова, мы считаем, что сбивчивость и краткость показаний Мусина-Пушкина в его письме к К. Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1813 года объясняется не столько желанием предохранить себя от нареканий в ограблении монастырских библиотек, сколько боязнью навлечь на себя законное подозрение в присвоении заслуг и прав первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве», архимандрита Иоиля, видимо, принимавшего известное участие в «открытии» древней поэмы.

Какие же факты убеждают нас в том, что показание Мусина-Пушкина об архимандрите Иоиле как о первом владельце рукописи «Слова» является правдивым, хотя и вынужденным?

Уже одно имя К. Ф. Калайдовича, которому отвечал Мусин-Пушкин, исключало возможность заведомо ложного ответа со стороны последнего. К 1813 году Калайдович как молодой и выдающийся ученый, был хорошо известен исследователям русской старины, а также Мусину-Пушкину и издателям «Слова о полку Игореве».

За выдающиеся научные заслуги еще в 1811 году Калайдович был избран в члены «Общества истории и древностей российских». Молодой

¹ Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII.

Калайдович пользовался особым уважением и доверием со стороны одного из издателей «Слова», Н. Н. Бантыша-Каменского. Последний в письме к графу Н. П. Румянцеву от 26 декабря 1813 года не случайно рекомендовал для издания «Собрания государственных грамот и договоров» Калайдовича как «человека, знающего крепко литературу и российскую историю».¹

За разъяснениями по поводу древней поэмы об Игоре в походе Калайдович обращался в 1813 году к Бантышу-Каменскому, Карамзину, Малиновскому, Тимковскому, Сопикову и многим другим знатокам «российских древностей».

Сведения, полученные от Мусина-Пушкина Калайдовичем, нужны были последнему лишь как дополнение и подтверждение данных, собранных молодым ученым от других, весьма сведущих в этом деле лиц. О том, что названным лицам было известно происхождение рукописи «Слова», свидетельствует следующее, относящееся к 1801 году и принадлежащее Карамзину объяснение к портрету Баяна: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве (разрядка наша, — Ф. П.) нашлось древнее русское сочинение, достойное Оссиана и называемое „Песнью воинам Игоря“».² В подобной обстановке Мусин-Пушкин не мог, если бы даже он хотел этого, создать вымышленную историю открытия рукописи «Слова» и должен был сообщить Калайдовичу то, что уже и до того было хорошо известно небольшой группе лиц, имевших отношение к изданию рукописи «Слова о полку Игоре в».

Не следует забывать и того, что сообщение Мусина-Пушкина носило характер частного письма и не предназначалось для опубликования. Оно было напечатано Калайдовичем лишь через семь лет после смерти Мусина-Пушкина. Известной гарантией правдивости сообщения Мусина-Пушкина об Иоиле может служить и то, что Калайдович, обладавший не одной возможностью для проверки полученных им от Мусина-Пушкина сведений, никогда не подвергал их сомнению.

Только исходя из предположения, что в лице Иоила Прецницкого Мусин-Пушкин видел своего соперника, причем соперника, которому он был многим обязан, можно объяснить и первоначальную (до 1800 года) незаинтересованность Мусина-Пушкина в оглашении своего выдающегося открытия, и слишком затянувшийся ход издания памятника, и отсутствие указаний о происхождении рукописи в предисловии к первому ее изданию, и известную уклончивость, сдержанный характер ответа Мусина-Пушкина Калайдовичу в письме от 31 декабря 1813 г.

Гипотеза о заметной роли архимандрита Иоила не только в сохранении, но и в «открытии» «Слова о полку Игоре в», естественно, нуждается во всесторонней проверке. Степень достоверности этой гипотезы может быть окончательно определена только после дополнительного изучения всех печатных и рукописных источников, связанных с жизнью и деятельностью как Мусина-Пушкина, так и в особенности архимандрита Иоила.

Дополнительные сведения, относящиеся к деятельности последнего, могут быть обнаружены в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Чернигова

¹ См.: П. Безсонов. К. Ф. Калайдович. Чтения ОИДР, 1862, кн. 3, стр. 100—101

² Н. М. Карамзин. Пантеон русских авторов, т. I. СПб., 1801. Следует отметить, что этому свидетельству Карамзина о первоначальном местонахождении рукописи «Слова» противоречит сообщение Евгения Болховитинова о том, что рукопись с текстом «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным у книгопродавца Ивана Глазунова (см.: Труды ОДРЛ, X, стр. 252). Так как свидетельство Карамзина было сделано печатно и никем из издателей «Слова» и современников не было опротестовано, то версия о Глазунове как первоначальном владельце рукописи «Слова» приобретает достоверность только в том случае, если Глазунов выступал в роли того комиссионера, через которого Мусин-Пушкин приобретал рукописи у архимандрита Иоила.

и Ярославля. Эти сведения могут обнаружиться и в архивах частных лиц, обстоятельный перечень которых дает нам «Дневник» Арсения Верещагина. Кстати сказать, нахождение отсутствующей части названного «Дневника» за 1792—1796 годы могло бы дать в наше распоряжение весьма ценные сведения. Если исходить из предположения, что «Слово о полку Игореве» было известно Ионаю Прецницкому задолго до продажи им Мусину-Пушкину рукописи под № 323, то упоминания о древней поэме или же ее литературные отражения могут отыскаться и в рукописных сборниках Ярославской духовной семинарии, образцом которых является сборник под № 694 из собрания А. А. Титова. Только при условии тщательного учета и изучения упомянутых источников будет возможно написание научно проверенной и полноценной истории открытия «Слова о полку Игореве».
